

Корабль был невероятно просторным, способным вместить сотни человек. Изначально его спроектировал сам основатель династии как первый военный корабль. Паруса раскрывались по обеим сторонам корпуса, а осенью, при сильном ветре, судно могло взмывать в воздух. За это его и прозвали «Небесной ладьёй». В своё время, во время южного тура, эта ладья перенесла нашу императорскую семью Сяо через равнины — зрелище было поистине великолепным.

Сяо Лань сидел на носу, окружённый знатью, и весело беседовал. Я же, не обращая на них внимания, лениво обмахивался перьевым веером, в одиночестве прислонившись к перилам и любуясь пейзажами по берегам реки. Лёгкий ветерок, ласкавший лицо, на время развеял мои тревоги, и я предался редкой беззаботности. Заметив на перилах белую цаплю, я протянул руку, чтобы её погладить.

Птица не испугалась. Когда моя серебряная перчатка коснулась её клюва, она не отпрянула, а, напротив, дружелюбно клюнула её несколько раз, словно признавая в мне сородича. Мне стало любопытно, и я медленно поднял руку, позволив ей взлететь на моё предплечье.

— Верховный император, Его Величество приглашает вас отведать угощений.

Как раз когда я увлёкся, рядом раздался тихий и знакомый голос.

Лян Жань. Я обернулся, увидел его лицо, так похожее на лицо Лян Шэна, и досада моя растаяла. Положив одну руку ему на ладонь, а другой продолжая держать цаплю, я медленно направился к носу. Обменявшись с Сяо Ланем короткими приветствиями, я занял своё особое место справа от него. За несколько месяцев Сяо Лань сильно загорел и выглядел куда бодрее. Не знаю, случались ли у него по-прежнему приступы безумия, но сейчас он казался спокойным — лишь взгляд, которым он на меня смотрел, оставался недобрый.

— Верховный император, сегодня вы, кажется, в прекрасном настроении. Здоровье ваше поправилось? — Сяо Лань поднял бокал и отпил.

Все месяцы его похода мне не присылали пилюлю, поэтому я чувствовал себя лучше. Но насколько лучше? Я криво усмехнулся, проверив вино серебряной перчаткой, и поднял свой бокал в ответ:

— Я слышал о великой победе Его Величества, и сердце моё преисполнилось радости. Недуги отступили сами собой, и я чувствую себя куда лучше. Благодарю за заботу.

— Тем лучше. Я волновался, что с прибытием Ван Усе вы не сможете блеснуть в состязании с ним.

— Ваше Величество шутит.

Моё лицо омрачилось, словно я проглотил гнилую ягоду, и настроение безнадежно испортилось. В моём нынешнем состоянии о верховой езде и стрельбе из лука не могло быть и речи. Если Сяо Лань заставит меня соревноваться с этим высокомерным Ван Усе, то явно хочет меня опозорить.

Что ж, пожалуй, лучше притвориться пьяным.

Я опрокинул бокал, расплескав половину вина на веер, и, подхватив вишенку, угостил ею цаплю на моей руке. В этот момент по воздуху просвистела виноградина, и птица ловко поймала её на лету. Кто-то свистнул и захлопал. Я поднял глаза и увидел Сяо Цзина, недавно получившего титул Западного Цзин-вана. Его глаза, полные легкомысленной усмешки,

сверкали, как цветы персика.

В последнее время он пережил серьёзные перемены: лишился поддержки семьи Мэн и получил титул вана без реальной власти. Однако он вёл себя так, будто ничего не случилось, по-прежнему сочинял стихи, музицировал, разводил птиц и сверчков, не проявляя ни капли серьёзности. Но мне казалось, что Сяо Лань ценит этого сына — иначе зачем бы он позволил ему остаться в императорском дворце Мяньцзина?

— Дядюшка, если вы не против, не одолжите ли мне эту цаплю? — Сяо Цзин взял ещё одну виноградину и спросил.

— Пожалуйста, забирай, — я сложил веер и взмахнул рукой, направляя птицу к нему.

Но цапля оказалась непослушной: взмахнув крыльями, она вспорхнула ему на голову. Северный Е-ван Сяо Мо махнул рукой, отгоняя её, и заодно аккуратно снял несколько перьев, застрявших в его волосах. Он больше походил на заботливого супруга, чем на младшего брата.

Мне стало интересно: тайная связь этих двух братьев рано или поздно выплывет наружу. Заметив, что я смотрю на Сяо Цзина, Сяо Мо нахмурился, схватил цаплю за крыло, с хрустом сломал его и швырнул птицу за борт.

Все за столом замерли в изумлении. Я тоже был поражён. Никогда не думал, что третий сын Сяо Ланя может быть столь жесток. Обычно он был молчалив, и я не ожидал от него такого. Этот человек скрывал эмоции, но действовал решительно. Возможно, он и впрямь был способен на великие дела.

— Брат, а я хотел оставить её, поиграть! — с досадой пожаловался Сяо Цзин.

Сяо Мо, не поднимая глаз, холодно ответил:

— У цапли острые когти. Если бы она поцарапала лицо Вашего Высочества, это испортило бы ваш вид.

— Вечно ты всё портишь, — Сяо Цзин фыркнул и замолчал.

Эта небольшая сцена слегка омрачила настроение, но Сяо Лань похвалил Сяо Мо за решительность и умение отделять главное от второстепенного. Сяо Цзина это задело, и он, схватив гроздь винограда, отошёл к перилам, чтобы подманить другую птицу.

— Западный Цзин-ван всё ещё сохранил юношескую непосредственность, что редкость, — вмешался Сяо Шунь, чтобы сгладить ситуацию. — Вспомните, в его годы мы уже были обременены заботами. Не так ли, Ваше Величество?

Атмосфера немного смягчилась. За эти годы Сяо Шунь перестал быть тем резким и упрямым юношей. Жизнь в суровом Инчжоу сделала его зрелым, а речь — более обходительной.

— Верно, особенно Верховный император. Среди нас братьев он был самым мудрым не по годам. Если бы Цзин был хоть наполовину таким же рассудительным, как он в юности, это было бы прекрасно, — Сяо Лань посмотрел на меня, и во взгляде его сквозило нечто большее. Я понял, что он снова намекает на то, как я притеснял его в детстве. Я раскрыл веер, закрываясь от его взгляда, и отпил вина.

— Во время этого визита я привёз сокровище, которое хочу преподнести Вашему Величеству,

— с улыбкой произнёс Сяо Шунь, доставая изящную шкатулку.

Сяо Лань оживился:

— О? Что же это? Покажи.

Слуга принял шкатулку и открыл её. Оттуда повеяло странным, терпким запахом. Сяо Шунь пояснил, что это вэньна — средство, изготовленное из яичек южного кита. Принятое с вином, оно укрепляет дух и почки, превосходя по эффективности олений пенис и тигриные хвосты.

Поскольку за последние годы у наложниц Сяо Ланя родилось мало детей, он был несказанно рад такому подарку. Тут же он щедро наградил Сяо Шуня, пожаловав пять сундуков золотых монет, а за заслуги в войне даровал ему титул князя Хэшунь и резиденцию в Мянцзине — дворец князя Шунь. Этот поступок Сяо Ланя заставил меня беспокоиться.

Я от природы человек холодный и по-настоящему хорошо относился лишь к немногим. Мой седьмой брат был одним из них. Мы были близки по возрасту и схожи характерами. Когда его тайная связь с пятой сестрой раскрылась, это я уговорил отца сохранить за ним статус члена императорского дома. Став императором, я также проявлял к нему снисхождение. Теперь, когда он вернулся в столицу, я видел в нём союзника. Но после столь щедрых даров Сяо Ланя я задался вопросом: не изменит ли Сяо Шунь свою позицию после трудных лет, проведённых в Инчжоу?

Пока я размышлял, Сяо Лань взял кусочек вэньна и, улыбаясь, обратился ко мне:

— Верховный император, ваше тело слабо, вам это нужнее, чем мне, — с этими словами он приказал слуге:

— Поднеси кусочек Верховному императору.

Я хотел отказаться от его «заботы», но кусочек уже лежал передо мной. Мне пришлось принять его и опустить в бокал с вином. Проверив содержимое серебряным ногтем и убедившись, что цвет не изменился, я отпил немного. Резкий запах едва не заставил меня вырвать. Едва я проглотил снадобье, как в теле разлилось лёгкое тепло. К счастью, других недомоганий не последовало.

Но Сяо Лань не унимался:

— Верховный император, вы уже покраснели? Видимо, оно и впрямь превосходит вино с оленьей кровью?

Я нахмурился, с трудом сдерживая раздражение. Не успев ответить, я увидел, как Сяо Ду встал и поднял бокал в честь Сяо Ланя, выручив меня таким образом. Сегодня он был одет чрезвычайно торжественно: тёмно-синий церемониальный халат, расшитый звёздами и луной, подчёркивал его строгость и сдержанность. Естественная дикость в нём была скрыта, и он являл собой образец достоинства наследного принца, затмевая даже Сяо Ланя в его драконьем одеянии. «Золотая чешуя не для пруда», — подумал я. Я тогда ошибся в нём.

Заметив мой взгляд, Сяо Ду на мгновение замер, сглатывая вино, а затем, усевшись, бросил на меня косой взгляд — уже не такой скованный, как прежде. На этот раз это я отвёл глаза и встретился взглядом с Сяо Юем, который наблюдал за мной.

Вращаясь среди этих людей, я чувствовал себя попавшим в паутину, из которой не было

выхода. Под предлогом, что мне нужно подышать воздухом, я покинул своё место и направился к Сяо Цзину, который в одиночестве забавлялся с птицами. Мы завели разговор о музыке и поэзии — предметах, достойных учёного мужа.

Как раз когда беседа стала оживлённой, в небе грянула серия трубных звуков.

Я посмотрел вперёд, на городские ворота, медленно поднимавшиеся над рекой, и увидел небольшую лодку, приближающуюся к нам. На носу стоял высокий мужчина с каштановыми волосами и бородой. На его левом плече красовалась бронзовая волчья голова, а правое плечо было обнажено. Это был Ван Усе.

По левую и правую руку от него стояли У Дунь и недавно появившийся при дворе У Ша.

<http://bllate.org/book/15952/1426369>